

ЭМИГРАНТЪ

Литературный и иллюстрированный журналъ.

№ 11

Содержаніе:

„Памяти А. Т. Аверченко и
кн. Г. Е. Львова“.

„Творчество“ — разск. Н. О.

„Укрощенная жена“ — пер. раз-
сказъ З. Л.

„Похожденія моего кума Ники-
ты Иваныча“. — Изъ воспомина-
ній о быломъ С.-Петербургскаго
купца Т. А. Рыбникова въ пере-
дачѣ В. Нѣмковскаго.

Стихи — Е. Козакевичъ.

Копилка курьезовъ.

„Возвращеніе Тарзана“ — романъ
Э. Бурроуза. Перев. Э. М.

„Подъ Красной Мантіей“ —
романъ Стенли Уэймена.

Приложеніе.

Издательство „ЭМИГРАНТЪ“

Tallinn (Reval), S. Juhkentali t. 2. — Tel. 25-11

ЭМИГРАНТЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

Редакція: Suur Juhkentali tänav Nr. 2. — Телефонъ № 25-11.

Приемъ ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 9 ч. у. до 5 ч. дня.

Объявленія: 1/1 стран.—4.000 мрк., 1/2 стран.—2.000 мрк., 1/4 стран.—

1.000 м., 1/8 стран.—500 м., среди текста и на обложкѣ —50% дорож.

При повторныхъ объявленіяхъ — скидка по соглашенію. **Пред-**

ложенія и спросъ труда и розыски бѣженцевъ бесплатно.

№ 11.

Мартъ 1925 г.

II годъ изданія.

12-го марта въ Прагѣ скончался

Аркадій Тимофеевичъ Аверченко.

Эта смерть, въ сравнительно молодые годы, отзовется тяжелой болью во всѣхъ русскихъ сердцахъ, по ту и по эту сторону проволоки.

Кто изъ грамотныхъ людей не читалъ и не знаетъ А. Т. Аверченко.

Это былъ большой талантъ.

Это былъ одинъ изъ наиболѣе любимыхъ писателей нашего времени.

Это былъ писатель, высоко державшій знамя русскаго писателя и въ изгнаніи.

Онъ заслужилъ уваженіе и симпатіи всего Чешскаго общества Праги и сдѣлался любимымъ писателемъ въ Чехіи.

Ни одной крупинки своего таланта онъ не далъ на мельницу большевиковъ.

Ни одного дня онъ не былъ съ ними.

Мы потеряли въ немъ непримиримаго, убѣжденнаго и дѣятельнаго врага совѣтской власти.

Будучи самъ человѣкомъ высокой нравственной силы и замѣчательной души, А. Т. претѣвлялъ тѣ-же требованія и къ своимъ товарищамъ по перу, такъ, напри-мѣръ, онъ не могъ простить М. Горькому его работы съ большевиками и глубоко презиралъ его за ту гнусную роль, которую Горькій добровольно принималъ на себя.

Тяжела эта преждевременная утрата и не вѣрится, что съ нами нѣтъ уже милаго Аркадія Тимофеевича.

Его брэнное тѣло нашло себѣ успокоеніе отъ всѣхъ бѣдъ и страданій въ чужой землѣ, но мы твердо увѣрены, что по возстановленіи Россіи дорогой намъ прахъ будетъ перенесенъ на родную землю.

Нѣсколькими днями ранѣе кончины А. Т. Аверченко умеръ въ Парижѣ бывш. Предсѣдатель Временнаго Правительства Князь Г. Е. Львовъ.

Римляне говорили: „О мертвыхъ или хорошо или ничего“.

Хотя это касается лишь частныхъ людей, а не политическихъ дѣятелей, каковымъ былъ князь Львовъ, мы вовсе ничего не сказали бы о покойномъ, если-бы не брошенный въ газетѣ „Послѣднія Извѣстія“ № 59/1482 докторомъ Колпаковымъ упрекъ намъ, эмигрантамъ, въ равнодушіи къ смерти кн. Львова, выразившейся въ томъ, что на панихиду по немъ явилось не болѣе 15 человѣкъ, считая членовъ и служащихъ Русскаго Комитета, по инициативѣ котораго служилась эта панихида.

Будемъ откровенны, дѣло тутъ не въ лѣни или небрежности со стороны эмигрантовъ (вѣдь собирали-же другія панихиды полные храмы молящихся), а въ

отрицательномъ отношеніи къ политической дѣятельности покойнаго, послѣдствія которой Россія и Эмиграція испытываютъ на собственной шеѣ.

Въ глазахъ большинства бѣженцевъ покойный князь былъ Предсѣдателемъ Временнаго Правительства и главою оппозиціи Царскому Правительству, лицомъ отвѣтственнымъ за свои дѣйствія.

Лишь хорошо освѣдомленнымъ съ дѣятельностью политическихъ партій въ Россіи и лично знакомымъ съ княземъ было извѣстно, что покойный по своимъ способностямъ представлялъ, какъ правильно выразился докторъ Колпаковъ, „типъ скромнаго провинціального земскаго дѣятеля, добраго и мягкаго“, и что въ течение всей своей дѣятельности онъ служилъ ширмами для работы другихъ, которымъ былъ нуженъ для вывѣски именно такой человѣкъ: русскій, импонирующий массѣ своимъ именемъ, со связями въ обществѣ и исключительно податливый.

Дѣйствительно, гдѣ и когда князь Г. Е. Львовъ показалъ свое я?...

Нигдѣ и никогда!...

Какъ общественный и политическій дѣятель, онъ всегда шелъ на поводкѣ у другихъ.

Какъ Предсѣдатель Земско-городскаго союза, вызывавшаго во время войны справедливыя нареканія и сыгравшаго большую роль въ разложеніи арміи, „добрѣйшій князь, — по словамъ д-ра Колпакова, — конечно, ничего не зналъ о томъ, что совершалось въ этомъ земгусарскомъ учрежденіи нехорошаго и бросающагося въ глаза своею нравственной неряшливостью“, иначе говоря, начальникъ не былъ въ курсѣ того, что творилось подвѣдомственными ему лицами.

Какъ Предсѣдатель Временнаго Правительства, пріившій власть надъ страной съ вѣками налаженнымъ правительственнымъ аппаратомъ, еще крѣпкой арміей и законопослушнымъ въ общей своей массѣ населеніемъ, покойный Г. Е. Львовъ не сумѣлъ воспользоваться благопріятной для него конъюнктурой и своей слабостью и потворствомъ бунтарскимъ элементамъ положилъ начало разрушенію Россіи.

Онъ ни разу, по крайней мѣрѣ публично, не осадилъ, не положилъ своего veto на незаконныя и легкомысленныя дѣйствія какъ своихъ министровъ, такъ и безотвѣтственнаго Совѣта рабочихъ и прочихъ депутатовъ.

При немъ заставили отказаться отъ престола Великаго Князя Михаила Александровича.

При немъ не былъ допущенъ къ командованію Арміей Великій Князь Николай Николаевичъ, которому Государь при отреченіи передалъ Верховное Главнокомандованіе въ надеждѣ, что Великій Князь сумѣетъ довести войну до побѣдоноснаго конца.

При немъ начались хамскія издѣвательства надъ Царской Семейей.

Вотъ чѣмъ объясняется равнодушное отношеніе эмигрантовъ къ смерти Князя Г. Е. Львова.

Также равнодушно эмиграція отнеслась и къ смерти бывш. Предсѣдателя Государственной Думы Родзянко.

То же ожидаетъ и нѣкоторыхъ другихъ неудачливыхъ министровъ Временнаго Правительства и общественныхъ дѣятелей.

Винить за тѣ или иныя чувства по отношенію къ политическимъ банкротамъ насъ, — эмигрантовъ, — нельзя, вѣдь многія, быть можетъ смягчающія обстоятельства большинству изъ насъ вовсе не извѣстны.

Въ частности, рядовой бѣженецъ, повторяемъ, врядъ ли зналъ, что князь, этотъ безусловно честный и подвижный всегда искреннимъ желаніемъ принести пользу Отечеству человѣкъ, былъ фактически лишенъ возможности поступать по своему усмотрѣнію, т. е. онъ, выражаясь вульгарно, сидѣлъ не въ своихъ саняхъ и былъ выброшенъ изъ нихъ, когда въ немъ миновала надобность. Онъ сталъ жертвою своего прекраснодушія, довѣрчивости и порядочности.

Находясь въ изгнаніи, князь Г. Е. Львовъ очень скорбѣлъ о своихъ невольныхъ прегрѣшеніяхъ передъ родиной и старался искупить ихъ работой на пользу бѣженцевъ. Это должно примирять насъ съ покойнымъ:

Покаившіеся — грѣха не имутъ.

В. Глуговецъ.

Творчество.

Разказъ.

Затыкинъ снималъ комнату безъ стола неподалеку отъ моря и городского сада, дважды въ день купался, разъ въ недѣлю ѣздилъ верхомъ, въ газетахъ просматривалъ, кромѣ телеграммъ и литературной хроники, еще рубрику „Спортъ“ и любилъ хвастаться передъ знакомыми дамами своимъ бицепсомъ. О его появленіи на курортѣ мѣстный листокъ сообщилъ кратко: „Пріѣхалъ молодой беллетристъ и драматургъ Затыкинъ“.

Еровскій платилъ за полкомнаты въ санаторіи съ усиленнымъ питаніемъ, верхомъ не ѣздилъ и не купался, газетъ не читалъ совсѣмъ и старался (бращать вниманіе дамъ не на бицепсъ, а на свои задумчивые каріе глаза. На секретаршу мѣстнаго листка эти глаза произвели нѣкоторое впечатлѣніе, потому что о немъ было написано подробнѣе: „Здоровье талантливаго поэта Еровскаго въ настоящее время почти возстановилось, и мрачную угрозу, висѣвшую надъ этимъ юнымъ дарованіемъ, можно считать устраненной, — тѣмъ болѣе, что пользующіе поэта врачи возлагаютъ много надеждъ на благотный климатъ нашего курорта“.

Въ столицѣ Затыкинъ съ Еровскимъ то и дѣло встрѣчались въ редакціяхъ, у издателей, въ литературномъ ресторанѣ, — но здѣсь, въ приморскомъ городкѣ, ихъ существованіе проходило въ разныхъ плоскостяхъ. Когда беллетристъ купался, поэтъ долженъ былъ отдыхать на балконѣ санаторіи, — и только счастливая случайность свела ихъ однажды въ ротондѣ городского курзала. Они дружественно пожали другъ другу руки и даже поцѣловались. Они даже позабыли взаимно, что Затыкинъ недавно сочинилъ одноактную пьесу въ стихахъ, а Еровскій напечаталъ въ толстомъ журналѣ повѣсть, что, конечно, можно было считать недобросовѣстной конкуренціей.

Затыкинъ сказалъ только съ легкимъ ядомъ въ голосѣ:

— А ты, дорогой мой, выглядишь совсѣмъ здоровякомъ! Вотъ только глаза у тебя какіе-то того... сонные!

— Ты находишь? А между тѣмъ, я очень плохо себя чувствую... Вотъ про тебя

никакъ нельзя сказать, чтобы ты выглядѣлъ молодцомъ. Постарѣлъ, какъ будто! У тебя даже спина сторбилась.

И это было все. Воздавъ другъ другу должное, они окончательно перешли на дружественный тонъ. Присѣли у столика, причѣмъ Затыкинъ самоотверженно занялъ тотъ стулъ, который былъ поближе къ возможному сквозняку. Потомъ заботливо освѣдомился у поэта:

— Можетъ быть, ты выпьешь горячаго молока?

— Нѣтъ, слишкомъ жарко для молока, — и меня совсѣмъ затопили въ санаторіи этой жидкостью. Человѣкъ, дайте нарзану!

— А мнѣ кофе со сливками, и бисквитовъ!

— Очень пыльно, ты не находишь?

— Да, чортъ знаетъ... У самого моря и вдругъ — пыль! Даже глупо.

— А въ санаторіи сыро! Они меня увѣряютъ, что нѣтъ никакой сырости, но я отлично чувствую.

— Вообще — безобразіе! Никогда намъ не дотянутся до заграницы.

— Ну, какое же сравненіе! Заграница, это...

— А ты, кстати, былъ тамъ? Помнится, я читалъ твои венеціанскіе сонеты. Очень звучно и проникнуто мѣстнымъ колоритомъ.

— Мм... Я вообще... Ты знаешь, что ни говори, а на югѣ, все таки, очень много красивыхъ женщинъ. Даже въ этой отвратительной ямѣ... Никакого сравненія съ нашимъ чухонскимъ малокровіемъ!

Ни одной женщины по близости не было, за исключеніемъ продавщицы папирозъ и спичекъ, которая, впрочемъ, была уже очень не молода и, во всякомъ случаѣ, не красива. Но разговоръ о женщинахъ хоршъ тѣмъ, что онъ представляетъ собою достаточную разрабатанную тему. Можно не слишкомъ напрягать свой мыслительный аппаратъ и все-таки оставаться краснорѣчивымъ. Затыкинъ не настаивалъ на венеціанскихъ сонетахъ и послушно перешелъ къ женщинамъ:

— Какъ тебѣ сказать... Въ этихъ, какъ ты пазываешь, чухонкахъ тоже есть этакое...

свое! Тѣло у нихъ — рубенсовское. Пышное такое бываетъ, съ румянцемъ.

Ну, что же? Мясо! Грубое и — ничего больше. Онѣ слишкомъ пассивны, а женщина тоже должна проявлять свою инициативу. Она должна воспалять, испепелить страстью.

— Да я и противъ южанокъ ничего не имѣю! Хотя самое лучшее, по-моему, это — средняя полоса. Какая-нибудь Саратовская губернія, напримѣръ, или Малороссія. Сѣверячки, какъ ты находишь, слишкомъ пассивны, а южанка разъ въ годъ беретъ ванну и никогда не мѣняетъ бѣлья.

Еровскій криво усмѣхнулся и отхлебнул нарзану.

— Золотая середина? Вотъ чего я не понимаю... Хотя, въ сущности, географическое происхождение женщины для меня совершенно безразлично. Мы бродимъ въ потемкахъ, пока не встрѣтимъ консонирующую душу. Ты замѣть, что истинное наслаждение любви я вижу только въ гармоніи. И сближеніе тѣлесное есть только результатъ, только завершеніе этой гармоніи духа. Послѣдній вопль, послѣдній аккордъ мелодіи.

— Послѣдній аккордъ, который, однако же, повторяется неоднократно?

— Это просто длительное отраженіе момента! Ничто не повторяется. То, что мы считаемъ повтореніемъ, — только преломленіе въ призмѣ одного и того же луча. То, что я пережилъ, напримѣръ, вчера, есть лишь преломленіе того, что я пережилъ недѣлю назадъ и буду переживать завтра.

— Завтра? — переспросилъ Затыкинъ, размѣшивая сахаръ.

— Мм... Предположимъ, что завтра! Конечно, это — интимность, хотя, съ другой стороны...

Еровскій скромно потупился, а Затыкинъ долго выбиралъ съ тарелочки бисквитъ, поменьше засиженный мухами, и невинно ворчалъ:

— И еще деруть по гривеннику за штуку! Эгакая некультурность!

Поэтъ побарабанилъ пальцами по столу:

— Ты понимаешь, что я только такъ себѣ, случайно, сказалъ: „завтра“. Я не имѣю права вводить тебя въ кругъ своихъ интимныхъ переживаній. Хотя, съ другой стороны...

— О, я не настаиваю... Удивительно скверные бисквиты! Хотя, съ другой стороны, мы — художники. У насъ долженъ быть собственный критерій.

— Вотъ именно. Здѣсь совершенно не съ кѣмъ подѣлиться. Все воспринимается, какъ анекдотъ, или какъ сплетня. Какіе-то аптекаря и акцизные чиновники, — съ общей психологіей штабного писаря.

— Я понимаю! — сочувственно кивнулъ головой Затыкинъ. — Не слѣдуетъ обнажать свою душу передъ штабными писарями.

— Да, и это духовное одиночество временами становится тягостнымъ. Я знаю, что ты очень чутокъ. Это свойство всякаго истиннаго художника, проникающаго въ самыя глубины чужой психики. И когда я сказалъ „завтра“, — ты по неуволному отбѣнку въ выраженіи понялъ, что это „завтра“ дѣйствительно существуетъ.

Затыкинъ поковырялъ ногтемъ бисквитъ, положилъ его въ ротъ, прожевалъ и тогда спросилъ коротко:

— Замужняя?

Еровскій пожалъ плечами:

— Она свободна. А до деталей мнѣ нѣтъ никакого дѣла. Можетъ быть, гдѣ-нибудь тамъ, въ Тетюшахъ, сидитъ сейчасъ существо, называющее себя ея мужемъ, но, вѣдь, это нисколько не мѣняетъ дѣла.

— Ну, если въ Тетюшахъ, то разумеется. А если здѣсь же... Съ мужьями, дорогой, надо держать ухо востро! Насъ, художниковъ, они обязательно начинаютъ подозревать, даже, когда нѣтъ ничего серьезнаго.

— Тетюши — это описательно. Я и вообще не знаю, есть ли у нея мужъ. Но я знаю, что она тонко чувствуетъ, и что въ любви мы взаимно одаряемъ другъ друга новыми откровеніями.

— Давно это у тебя завелось?

— Я говорю тебѣ — съ недѣлю. Я познакомился съ нею въ первый же день по приѣздѣ сюда, но, понимаешь-ли, наши отношенія были очень сложны и потому развивались медленно. Они заплетались, какъ тончайшее кружево, вышитое золотомъ. И когда уже было ясно, что мы принадлежимъ другъ другу, мы все-таки намѣренно отдаляли неизбежный мигъ, чтобы подойти къ нему во всей полнотѣ чувствованій.

— Ну, канитель какая... Какъ это у тебя хватаетъ терпѣнья? И это даже просто ошибка, дорогой. Женщинъ обидно, если ей приходится, такъ сказать, отдаваться самой. Она предпочитаетъ, чтобы ее брали. Дѣствовать нужно быстро, съ натискомъ: разъ-два-три!

Еровскій вздохнулъ и потеръ кончиками пальцевъ високъ:

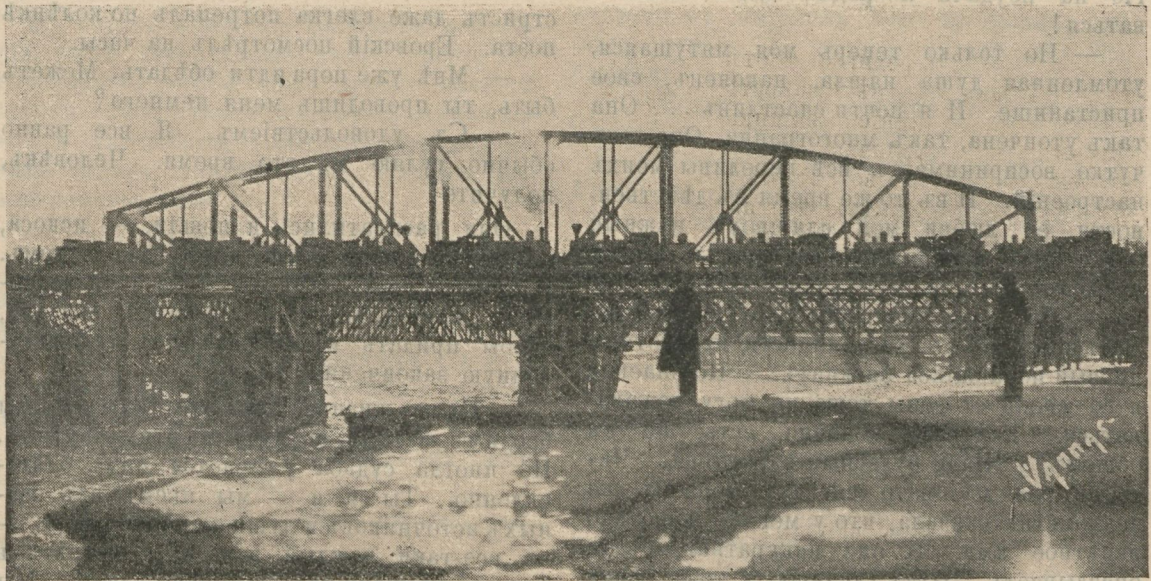
— Твоя система, можетъ быть, вполне пригодна для любой рядовой женщины. Но Недда — совсѣмъ особое существо.

— Такъ ее зовутъ? . . .

— Виновать, я, кажется, проговорился? Но теперь уже все равно! Ее зовутъ Неддой. То есть, ея обычное имя слишкомъ плоско звучитъ, и я его нѣсколько измѣнилъ. Если бы я сразу высказалъ ей мою грубую мужскую волю, она оттолкнула бы меня — и только. Мы дождались, когда наши души прониклись взаимной гармоніей.

совершили прогулку въ горы — и готово! И представь себѣ, я даже не ожидалъ, какая это оказалась прелесть. Тоже черноватая въ родѣ твоей Недды, и кажется подкрашивается, но это наплевать. Сложена сухо-вато, но, когда цѣлуешь, — огонь. Вотъ ужъ именно испепеляетъ!

— Возможно! — неохотно согласился поэтъ. — Мнѣ кажется только, что ты толкуешь [эту эмоцію нѣсколько грубо. Вотъ Недда — иногда я боюсь, что она растаетъ въ моихъ объятіяхъ, какъ тѣнь. И въ то же время въ ней заложены необъятныя глубины, первобытный хаосъ страсти. Она

Новый Нарвскій желѣзно-дорожный мостъ.

— Блондинка, конечно?

— Нѣтъ, скорѣе брюнетка, но не совсѣмъ. Въ проходящемъ солнечномъ свѣтѣ ея волосы отливаютъ зеленоватымъ золотомъ. И она вся, ты понимаешь, такая нѣжная, нѣжная, почти прозрачная. Когда она цѣлуешь, то кажется, что къ твоимъ губамъ прикладываютъ водяную лилію.

— Ну, ужъ это . . . Нѣтъ, это безплотное что-то! Совсѣмъ не въ моемъ вкусѣ. И, вѣдь, лиліи всегда бываютъ холодныя и мокрыя. Лилію къ губамъ — это что-то въ родѣ лягушки. Даже болотомъ пахнетъ! Нѣтъ, это не въ моемъ вкусѣ. Вотъ, напримеръ, когда цѣлуешь Надя . . .

— А у тебя есть здѣсь Надя?

— Уже три недѣли. Я вѣдь не тяну канитель, какъ ты! Познакомились на пляжѣ, потомъ встрѣтились въ читальнѣ, потомъ

изнемогаешь отъ тяжести этого хаоса и иногда смотришь на меня остановившимися, безумными глазами. И въ этомъ взглядѣ я улавливаю разгадку извѣчной тайны.

— Здорово! Ты напиши что-нибудь по этому поводу. Нѣтъ, а Надя, — та насытится поцѣлуями и спитъ. Свернется въ клубочекъ, такимъ котеночкомъ, и даже немножко вздрагиваетъ. И чтобы разбудить, надо обязательно пощекотать ее за ушкомъ.

— Недда не спитъ! Я никогда не видѣлъ ее спящей.

— Ну, еще-бы, — за одну недѣлю-то!

— И черезъ годъ не увижу! Ея душа находится въ состояніи экстаза и нервы ея натянуты, какъ струны цитры. И я робко извлекаю звуки изъ этихъ струнъ. Они

плачутъ или торжествуютъ, смотря по тому, на что я вдохновляю ихъ.

— Истеричка, можетъ быть? У Нади тоже бываетъ иногда разные такіе капризы. Напримѣръ, вдругъ въ пять часовъ утра требуетъ мороженого. А гдѣ я его достану, когда всѣ рестораны закрыты? Но въ общемъ это, конечно, пустяки.

— Ты знаешь, на путяхъ моей жизни я встрѣчалъ уже много, очень много женщинъ.

— Да и я не меньше, дорогой мой! На этотъ счетъ мы можемъ еще поспорить. Я, конечно, совсѣмъ не желаю хвастаться... Но на неудачи я рѣдко могъ пожаловаться!

— Но только теперь моя мятущаяся, утомленная душа нашла, наконецъ, свое пристанище. И я почти счастливъ... Она такъ утончена, такъ многогранна. Она такъ чутко воспринимаетъ всѣ переливы моихъ настроеній. И въ то же время въ дѣйствительности ея любви мой слишкомъ нѣжный организмъ почерпаетъ все новыя силы, укрѣпляется для мукъ новаго творчества.

— Да, это прекрасно! — согласился Затыкинъ и въ разсѣянности проглотилъ первый попавшійся бисквитъ. — Но знаешь, я со своей стороны тоже не могу пожаловаться. Капризы, конечно, есть, но въ общемъ у Нади чудесный характеръ. Читаетъ она маловато, но при первомъ же знакомствѣ сказала, что у меня — довольно извѣтное имя. И она аккуратная, рѣдко опаздываетъ. Нѣтъ, знаешь, я тоже очень доволенъ. Что-то совсѣмъ непохожее на мои прежнія интрижки.

— А эта твоя Надя... она замужемъ?

— Какъ же, я наводилъ справки! Я на этотъ счетъ очень остороженъ. Но мужъ ея живетъ за тысячу верстъ отсюда и служить управляющимъ казенной палатой. А она сама пріѣхала сюда, повидимому, просто пожуировать жизнью. Можешь ты себя представить: такая бездна темперамента и вдругъ — какая-то палата! Воображаю, какъ она чувствуетъ себя дома, несчастная женщина...

— Миръ такъ тѣсенъ и всѣ явленія такъ однообразны! вздохнулъ поэтъ. — Вотъ и Недда тоже говорила что-то такое о казенной палатѣ. Я, конечно, не помню, что именно. Но чувствую, что и ея душа изнемогала въ тискахъ жизни и только во мнѣ нашла успокоеніе.

— А мнѣ Надя такъ и сказала прямо: „Ты самый интересный мужчина изъ всѣхъ,

какихъ я только встрѣчала“... То-есть, ты не подумай, что она была до сихъ поръ этакъ... легкомысленна, что-ли... Я твердо вѣрю, что это — ея первая связь.

— Недда тоже чиста, какъ первозданная мысль. Даже свои утонченныя ласки она находитъ какъ-то инстинктивно. И она невинна, хотя любовь ея изощрена, какъ алая роза порока.

— Ну, и Надя, она того... Она умѣетъ любить. Ужъ это имъ такъ отъ рожденія дается, должно быть!

— Съ Неддой я приближаюсь къ высшей радости, похожей на скорбь...

Оба были нѣсколько растроганы, и белле-стристъ даже слегка потрепалъ по колѣнкѣ поэта. Еровскій посмотрѣлъ на часы.

— Мнѣ уже пора идти обѣдать. Можетъ быть, ты проводишь меня немного?

— Съ удовольствіемъ. Я все равно обычно гуляю въ это время. Человѣкъ, получите!

Они расплатились и пошли, — искося, но внимательно слѣдя другъ за другомъ. И, повидимому, были довольны произведеннымъ впечатлѣніемъ. Еровскій сказалъ, чтобы придать всему разговору художественную законченность:

— Пути жизни такъ запутаны и мы бродимъ во тьмѣ, наудачу, по этимъ путямъ. Но иногда судьба улыбается намъ благо-склонно. Ты и я — мы пьемъ изъ разныхъ источниковъ и души наши несходны, — но все-таки каждый изъ насъ встрѣтилъ именно ту женщину, которую ждалъ. Мы заблуждались и падали, — но пришли къ истинѣ.

— Да, мы пьемъ изъ разныхъ источниковъ! согласился Затыкинъ, великодушно забывая о написанной поэтомъ повѣсти. — Но корень всего — любовь. Въ этомъ пунктѣ всѣ источники сходятся.

— Любовь открываетъ передъ нами свою бездну, усыпанную алмазами вдохновенія.

— И что тамъ ни говори, а это очень удобно, — имѣть постоянную привязанность, которая такъ хороша, что даже не надоѣдаетъ!

— Она отражаетъ всю многодумность жизни.

— И знаешь, она совсѣмъ не расточительна! Я не скупъ, но безмысленныя траты меня раздражаютъ. Розы, фрукты, мороженое — все это не такъ дорого стоитъ. А что я получаю взаменъ?!...

— Она безгранична въ своей углубленности. Достаточно смѣрять въ ея глаза — и я полными горстями черпаю вдохновеніе.

Улицы приморскаго городка были такъ же кривы и извилисты, какъ тѣ пути жизни, о которыхъ говорилъ поэтъ. Онѣ вились по склону горы самыми прихотливыми поворотами, и у одного изъ этихъ поворотовъ два литератора неожиданно столкнулись съ женщиной въ красной шляпкѣ. Женщина была средняго роста, не слишкомъ полна и не слишкомъ худа, съ темными волосами. Шляпка отбрасывала на ея щеки довольно эффектную тѣнь.

Въ первое мгновеніе Затыкинъ и Еровскій, какъ воспитанные люди, просто посторонились, чтобы дать дорогу красной шляпкѣ. Но шляпка почему-то замѣшклась и литераторы тоже остановились, — одинъ справа, другой слѣва. Затѣмъ сказали одновременно:

— Здравствуйте!

Въ этомъ обычномъ привѣтствіи не было ничего сомнительнаго, но почему-то оба литератора взглянули теперь одинъ на другого съ цѣлой гаммой смѣшанныхъ чувствъ: здѣсь были подозрѣніе, недоумѣніе и даже ревность.

И женщина въ красной шляпкѣ отвѣтила слегка растерянно:

— Здравствуйте . . . Развѣ вы знаемы, господа?

— Разумѣется! сказалъ Затыкинъ и, взявъ руку женщины, поцѣловалъ ее. — Это мой лучший другъ.

— Мой лучший сотоварищъ! Но я тоже не зналъ . . . — началъ было поэтъ и вдругъ замолчалъ, глядя, какъ беллетристъ прижимаетъ свои губы къ маленькой дамской ручкѣ. Потомъ закончилъ разомъ: — Я тоже не зналъ, что вы знакомы!

— Какіе вы странные! — засмѣялась женщина и, слегка подбравъ платье, почему-то отступила на два шага назадъ. — Иногда совершенно случайно находишь общихъ знакомыхъ. Вы купались, Затыкинъ?

— Да, утромъ. Сейчасъ слишкомъ жарко.

— А вы еще не обѣдали, Еровскій?

— Нѣтъ. Я еще не обѣдалъ.

Затѣмъ всѣ трое замолчали. Женщина упорно смотрѣла себѣ подъ ноги, поэтъ постукивалъ тростью по обросшему дикимъ виноградомъ забору.

— Представьте, я только сегодня въ

первый разъ встрѣтилъ здѣсь моего друга! — нашелъ, наконецъ, тему Затыкинъ.

Да, онъ ведетъ довольно уединенную жизнь. И вѣдь онъ такъ слабъ, бѣдненькій! У него по ночамъ постоянныя мигрени, — пробормотала дама.

— А вы . . . вы такъ близко его знаете?

— Но, Боже мой . . . Не такъ уже близко, но все-таки . . . Почему вы такъ на меня смотрите, Еровскій?

— Извините, я нечаянно . . . У меня такіе глаза. Всегда на что-нибудь смотреть.

— А я все никакъ не могу управиться съ дѣлами! Заходила къ портнихѣ, — но у нея будетъ готово только вечеромъ. Въ цвѣточномъ магазинѣ тоже не нашла, что было нужно, а теперь я иду въ бібліотеку.

— Когда же мы сегодня съ вами увидимся? — спросилъ поэтъ.

— Почему же я знаю? Когда-нибудь . . . Какой вы странный.

— А купаться вы будете вечеромъ? — съ чрезмѣрной веселостью справился Затыкинъ. — Вы мнѣ обѣщали, что придете купаться!

— Развѣ я обѣщала? Я не помню! Я даже не знаю, почему это я могла-бы вамъ обѣщать . . . Сейчасъ мнѣ нужно въ бібліотеку!

— Я могу васъ проводить! — вызвался Затыкинъ.

— Я тоже могу васъ проводить! — согласился Еровскій.

— Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста! Вы, навѣрное, заняты своими общими интересами, и я совсѣмъ не хочу вамъ мѣшать. Вообще, почему обязательно нужно провожать? Я и одна дойду . . .

И женщина поспѣшно протянула сразу обѣ руки.

— Ну, что же? Нѣтъ, положительно, вы какіе-то странные, господа . . . Право же, я совсѣмъ не ожидала . . . Только если что-нибудь будетъ, то, пожалуйста, не на улицѣ . . . Я ужасно боюсь уличныхъ скандаловъ! И мой мужъ служить въ казенной палатѣ, это можетъ такъ дурно на него повліять . . . Пожалуйста, не на улицѣ!

И она быстро исчезла за слѣдующимъ поворотомъ.

— Ну? — строго спросилъ Затыкинъ.

— Что такое? — недовольно отозвался Еровскій.

— Ничего!

— Ты скажи прямо: ты зовешь ее Неддой?

— Но я думаю, что она въ такой же степени и Надя?

Разошлись на всю ширину узенькой улицы, постояли немного у противоположныхъ заборовъ, потомъ опять сошлись въ серединѣ.

— Какой чудовищный изломъ! — вздохнулъ Еровскій.

— Плюнь на изломы! Знаешь, что тутъ всего хуже?

— Моя израненная, оплеванная душа...

— Брось! Хуже всего то, что она просто глупа... Вѣдь, она сама выдала себя съ головой.

— Не подчеркивай, пожалуйста!

— Что? Не подчеркивай? Мы тутъ съ тобой достаточно уже наподчеркивали!

— Нужно смотрѣть глубже, Затыкинъ! Въ душѣ художника, истиннаго художника, всегда живетъ неутолимая жажда творчества. И перлами этого творчества онъ украшаетъ блѣдную дѣйствительность.

Затыкинъ задумался.

— Отчасти-ты правъ. Но, вѣдь, глупость-то, глупость-то какая! И дернулъ насъ чортъ обязательно встрѣтиться!

— Не подчеркивай, прошу тебя! Мнѣ больно.

— Ужъ это что говорить!... У меня отъ всей этой гадости даже подъ ложечкой жжетъ. Слушай, знаешь что? Плюнь ты на свой обѣдъ. Я тебя къ знакомому татарину въ погребъ сведу. Онъ намъ пашлыкъ изготовитъ, хорошій, изъ живого молодого барашка. Они у него такъ по подвалу и бѣгаютъ. А какое вино! Лучшему бургонскому не уступить! Пойдемъ!

Сказавъ это, Затыкинъ даже мечтательно зажмурился.

Поэтъ оправилъ галстухъ, раза два лизнулъ набалдашникъ трости, потомъ трянулъ головой и рѣшился:

— Пойдемъ... Но только я прошу тебя объ одномъ: не подчеркивай больше... Ты слишкомъ материалень. Не нужно!

Укрощенная жена.

Послѣ вечера, проведеннаго въ „Водевилъ“, гдѣ американская труппа поставила пьесу „Укрощеніе Мегеры“, самъ собой возникъ разговоръ о злыхъ женщинахъ. Совершенно неожиданно нашъ другъ Бобо объявилъ себя прекраснымъ знатокомъ того, какъ надо обращаться съ злыми и коварными женщинами.

Правда, мы и раньше знали, что супруга Бобо отличается особымъ даромъ быть несносной и отравлять существованіе даже человѣку съ ангельскимъ терпѣніемъ.

Бобо подтвердилъ намъ, что эта женщина всегда была несносна. Она принадлежала къ той породѣ женщинъ, которые, не гася лампы, ждуть мужа до двухъ, до трехъ, до четырехъ часовъ утра, — ждуть до тѣхъ поръ, пока тотъ не разстанется, наконецъ, со своими собутыльниками и не вернется домой. Мужъ возвращается домой и несмѣло цѣдить сквозь зубы: „Добрый вечеръ“. Она не отвѣчаетъ, она молчитъ, молчитъ въ продолженіи цѣлой недѣли и глазами пантеры слѣдитъ за каждымъ движеніемъ супруга. Ахъ, какъ такія женщины умѣютъ мстить!

Жена Бобо въ этомъ отношеніи стояла внѣ сравненія. Ея память была своего рода копилкой, въ которой она хранила мириады пустяковъ и мелочей, изъ коихъ многіе насчитывали нѣсколько дѣсятковъ лѣтъ существованія. Она сдерживала себя до тѣхъ самыхъ поръ, пока копилка не переполнилась до самыхъ краевъ, съ безпокойнымъ и страстнымъ нетерпѣніемъ ждала этого момента и тогда давала полную волю своему гнѣву.

Въ одинъ непрекрасный день она разряжалась:

— А помнишь, миленькій, когда ты сдѣлалъ это? А помнишь, когда мнѣ сказалъ вотъ это?

Бобо, трепеща всѣмъ тѣломъ, пытался дѣлать невинные глаза и лепеталъ:

— Что? когда? гдѣ? Что ты тамъ выдумываешь? Я ничего подобнаго не помню и не знаю...

Бѣдняжка Бобо!

Онъ рассказывалъ намъ:

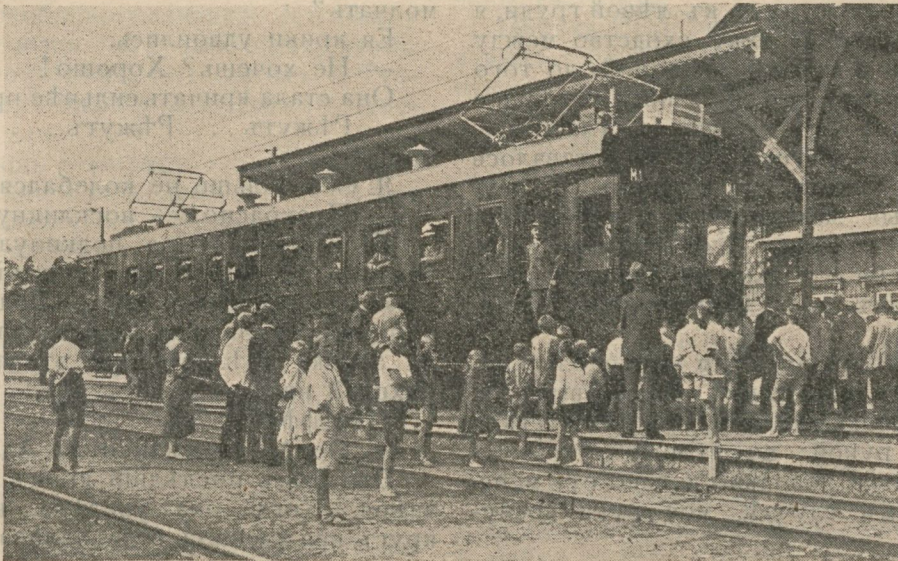
— Эта женщина абсолютно не боялась скандаловъ и поэтому никогда не останавливалась предъ тѣмъ, чтобы ругать и оскорблять меня при всѣхъ. Ея зычный голосъ пользовался у нашихъ

сосѣдей колоссальнымъ и вполнѣ заслуженнымъ успѣхомъ. Случалось нѣсколько разъ, что, не будучи въ силахъ сдержаться, я схватывалъ шляпу и хотѣлъ бѣжать, куда глаза глядятъ, но неизмѣнно въ эту минуту она вскакивала на окно, распахивала его и рѣшительно заявляла, что раньше меня очутится на мостовой. И она, конечно, сдѣлала бы это, такъ какъ принадлежала къ тѣмъ людямъ, которые, въ желаніи насолить другому, готовы даже покончить съ собой!

Ахъ, какое существо! И представьте себѣ, что во всѣхъ прочихъ отноше-

вамъ маленькую иллюстрацію къ моимъ словамъ. Однажды, возвращаясь пѣшкомъ изъ театра, мы завели маленькій споръ по поводу сходства одной изъ артистокъ съ горбатой дамой, обѣдавшей у насъ въ послѣднее воскресенье. Это было до того смѣшное предположеніе, что даже не хотѣлось объ этомъ говорить. Я сдѣлалъ такое же недомѣнное движеніе плечами, какое сдѣлалъ бы каждый изъ васъ на моемъ мѣстѣ.

Прекрасно! Вѣдь каждый человѣкъ воленъ располагать своими плечами. Но какъ, господа, отнеслась къ моему движенію жена?

Первый поѣздъ электрической желѣзнодороги Ревель-Нѣмме при станціи Нѣмме.

ніяхъ она была примѣрной женой: замѣчательная хозяйка, экономная, нетребовательная въ смыслѣ нарядовъ, разумная. Да, ужасная женщина! Именно такія особы доводятъ мужа до того, что, сжавъ голову обѣими руками, онъ начинаетъ, точно отъ зубной боли, раскачиваться изъ стороны въ сторону и горестно звать: „Господи, что за жизнь! Что за проклятая жизнь!“

Мы всѣ открыто смѣялись надъ словами несчастнаго Бобо, милымъ толстякомъ, по виду — типичнымъ завсегда-таемъ кафѣ.

Выждавъ паузу, онъ продолжалъ:

— Увѣряю васъ, что вы представлянія не имѣете о томъ, до чего доходила эта женщина. Если позволите, я дамъ

— Ахъ, вотъ какъ! — воскликнула она. — Ты, значить, такъ относишься къ моимъ словамъ. Такъ вотъ же тебѣ. Любуйся!

Съ этими словами она отпустила мою руку и — о, ужась! — вытянулась поперекъ лужи.

Мы одновременно воскликнули:

— Что такое? Что ты говоришь?

— Я говорю, — продолжалъ Бобо, — что она вытянулась поперекъ лужи, желая того, чтобы люди и самъ Богъ увидѣли ея покорную и вмѣстѣ жалобную улыбку. Конечно, всѣ прохожіе должны были думать: что я такъ мучаю и терзаю свою жену, что ей остается только одно — демонстративной мѣрой вызвать къ себѣ участіе постороннихъ.

Можете себѣ представить мое положеніе! Со всѣхъ сторонъ стали сбѣгаться люди. Никто ничего не понималъ, но я чувствовалъ, что возбужденіе противъ меня растетъ съ каждой минутой. Теряя голову, я сталъ молить:

— Ну, Адель, вставай же! Пойми же, что всѣ смѣются надъ нами!

Но она, молча, слѣва направо и справа налѣво качала головой. Вамъ надо было видѣть, сколько рѣшительности было въ ея тонкихъ, ехидныхъ губахъ. Положеніе осложнилось. Толпа становилась все тѣснѣе, даже прекратилось движеніе omnibusовъ, и мнѣ пришлось прибѣгнуть къ послѣднему средству. Приложивъ правую руку къ лѣвой груди, я поклялся, что нахожу сходство между артисткой и нашей знакомой до того разительнымъ, что на улицѣ навѣрное приму одну за другую. Согласитесь, что ничего другого мнѣ не оставалось дѣлать. Хохотъ мальчишекъ и двусмысленныя замѣчанія изъ толпы сводили меня съ ума. Я съ трудомъ сдерживалъ себя и, только очутившись дома, я наградилъ мою мучительницу оплеухой . . .

Говоря „оплеуха“, я употребляю неправильное выраженіе. Во первыхъ, я, къ сожалѣнію, слѣлалъ слишкомъ легкое движеніе рукой; во вторыхъ, моя супруга стояла довольно далеко отъ меня. Во всякомъ случаѣ, моя рука коснулась ея.

Она была ошеломлена, но уже спустя мгновеніе закричала:

— Аааа!

А еще черезъ мгновеніе:

— Убиваютъ! Рѣжутъ! Рѣжутъ!

— Клянусь вамъ, что я не успѣлъ оглянуться, какъ проснулся весь домъ. Да, что домъ, — проснулась вся улица! Начался скандалъ въ полномъ смыслѣ слова, — страшный скандалъ, котораго я, сколько жить буду, не забуду. Понеслись испуганные крики, начали стучать въ потолокъ, въ стѣны, въ полъ. По всей парадной лѣстницѣ стоялъ вой: „Швейцаръ! . . . Швейцаръ! . . .“

На мою супругу все это, казалось, не оказывало никакого воздѣйствія. Она рычала и ревѣла попрежнему. Правда, она иногда умолкала, но только для того, чтобы набраться свѣжихъ силъ и кричать еще громче, еще оглушительнѣе. Въ то же самое время, не

спуская руки съ той щеки, которой я не коснулся, она, словно голландскій волчекъ, кружилась между всѣми четырьмя стѣнами комнаты.

Я чувствовалъ, что никакая человеческая сила на свѣтѣ не въ состояніи заставить ее замолчать. Но я рѣшилъ во что бы то ни стало добиться тишины. Мысленно перебирая множество способовъ, я вдругъ былъ ослѣпленъ представившейся мнѣ гениальной идеей.

Я вышелъ изъ комнаты, пробрался на кухню и черезъ минуту вышелъ изъ нея съ ведромъ, полнымъ воды.

— Послушай, Адель, я въ послѣдній разъ прошу тебя замолчать! Ты будешь молчать?

Ея крики удвоились.

— Не хочешь? Хорошо!

Она стала кричать сильнѣе прежняго:

— Рѣжутъ . . . Рѣжутъ . . . На помощь!

Я уже больше не колебался.

— Прекрасно! — воскликнулъ я.

Я схватилъ ведро, подкинулъ его въ воздухъ и широкимъ движеніемъ выплеснулъ все содержимое. Вода, на подобіе вѣера взвилась въ воздухъ и упала на землю, слѣлавъ при этомъ звукъ, похожій на:

„Пвффф!“

— Ооо! — воскликнула Адель.

Это былъ послѣдній крикъ хищнаго звѣря. Когда она увидѣла, какъ вокругъ нея хлещетъ вода, залиываетъ шелковую мебель и кровать, съ которой сползло одѣяло, она бросилась впередъ съ такимъ видомъ, точно на ея глазахъ убиваютъ родныхъ дѣтей. Еще мгновеніе, — и она уже на колѣняхъ. Въ одной рукѣ у нея тряпка, въ другой — огромная губка. Она третъ, третъ съ самымъ отчаяннымъ выраженіемъ лица, и видно по всему, что ея мысли заняты исключительно тѣмъ, чтобы спасти мебель. Ничто другое уже не занимаетъ ее. Хозяйка взяла въ ней верхъ надъ мегерой.

Такъ прошелъ добрый часъ, а затѣмъ я сказалъ:

— Ну, а теперь можешь переименовать постельное бѣлье. Запомни же разъ навсегда, если ты еще когда-нибудь позволишь себѣ сказать слово, — слышишь, хоть единое слово, которое мнѣ не понравится, я сожгу зеркальный шкафъ!!

Похожденія моего кума Никиты Иваныча,

Изъ воспоминаній о быломъ С.-Петербургскаго купца Т. А. Рыбникова въ передачѣ В. Нѣмковскаго.

Желѣзный желудокъ.

Кумъ мой, Никита Иванычъ, на всякія представленія въ театрахъ до того насмотрѣлся, что чуть было жизни своей не лишился.

Такое съ нимъ происшествіе произошло, что даже говорить страшно...

Сидимъ это мы съ нимъ въ трактирѣ и истребляемъ винную монополию.

Разговоры промежъ себя ведемъ дѣльные. Очень хорошо все обсуждаемъ, особливо политику. Къ концу второй бутылки такъ порѣшили, чтобы Китай отполировать подъ орѣхъ, а Турцію для безъ опаски перевести въ Америку.

Пока про политику шла рѣчь, все было хорошо и покойно. Но какъ про театры заговорили, Никита Иванычъ какого-то акробата припомнилъ, который передъ публикой свой желѣзный желудокъ представлялъ и, замѣсто какихъ-нибудь фокусовъ, всякую дрянь на сценѣ ѣлъ.

Старшій буфетчикъ этого комедіянта одобрялъ.

— Для нашего, — говоритъ, — трактирнаго дѣла, это самый лучший гость, потому что все скушаетъ безъ протокола.

Никита Иванычъ, конечно, на такія слова обидѣлся:

— Какое-такое имѣешь ты право какого-то нѣмчуру выхвалять? Можетъ я у тебя тоже такой гость, что всякую гадость могу съѣсть съ удовольствіемъ?

— Никогда этому не повѣрю.

Никиту Иваныча въ конецъ взяла досада.

— Не повѣришь? А ежели я докажу.

У Никиты Иваныча характеръ образованный. Ужъ ежели что надумаетъ онъ, такъ тому и быть безпремѣнно.

— Подавай, — говоритъ, — какой хочешь дряни, — все съѣмъ.

Я его сталъ резонить:

— Не для чего, Никита Иванычъ, съ нѣмца примѣръ брать. Онъ-то съ измальства привыкъ калоши, да гвозди жевать, потому что у нѣмцевъ въ ихъ странѣ окромя этого никакой другой

пищи нѣтъ, а ты можешь отъ этого разстройство получить.

— Ни въ жисть не уступлю нѣмцу! У него желѣзный желудокъ — и у меня тоже. Не безпокойся, завсегда всякому въ каждомъ дѣлѣ могу носъ утереть.

Выпили мы съ нимъ по стаканчику для аппетита, я закусила яичницей, а онъ принялся грызть тарелку.

Вся публика, что была въ трактирѣ, къ нашему столу подошла на представленіе смотрѣть.

Никита Иванычъ, хотя ротъ и окровавилъ, но все-же кусокъ тарелки отгрызъ и проглотилъ.

Публика стала въ ладоши хлопать. Никита Иванычъ снялъ съ правой ноги резиновую калошу и принялся за нее. Наполовину отѣлъ и бросилъ. Затѣмъ велѣлъ подать стеклянку съ чернилами — выпилъ.

Я на колѣни всталъ и началъ его просить:

— Довольно! Доказалъ свой ндравъ и кончено!

— Нѣтъ, — говоритъ, — ужъ ежели затронули мою амбицію, такъ я никакой дряни здѣсь не оставлю, все съѣмъ.

И опять схватился за калошу. Прикончилъ ее и принялся за спички. Двѣ коробки съѣлъ. Потомъ взялъ съ буфета десятокъ сигаръ и мигомъ проглотилъ, а затѣмъ кричать сталъ:

— Дайте поскорѣе негашеной извести и сапожныхъ гвоздей: аппетитъ разыгрался.

А такъ какъ этого не нашлось, набросился онъ на прислуживающаго челоуѣка и началъ у него лѣвую ногу отѣдывать. Разумѣется, Никиту Иваныча стали осаживать. А этого кумъ мой терпѣть не можетъ. Засучилъ онъ рукава и... хоть одержалъ побѣду, но все-же дѣло кончилось протоколомъ и докторомъ.

Двѣ недѣли Никита Иванычъ находился въ безпамятствѣ и, какъ очнулся, далъ себѣ честное слово, резиновыхъ калошъ не носить, чтобы своего желудка не портить...

*Не говорите мнѣ, что Государь разстрѣлянь
И что семья его жестоко казнена.*

*Престижъ Романовыхъ заглушень, не утерянь,
И не забыть намъ чаръ двуглаваго орла.*

*Народъ нашъ озвѣръль, но въ пароксизмъ страсти
Съ усмѣшкой на лицѣ не могъ убить Вождя.*

*Пускай онъ пьянь сейчасъ! Но въ опьяненъи властью
Нѣтъ онъ не поднялъ рукъ на Бога и Царя!*

Е. КОЗАКЕВИЧЪ.

Копилка курьезовъ.

Слеза.

— Человѣкъ!
— Что изволите?
— Какой ты мнѣ сыръ подашь? Онъ совѣтъ мокрый...
— Помилуйте-съ, сыръ первый сортъ-съ...
— Да мокрый-то онъ почему?
— Отъ слезъ! Со слезой завсегда считается лучшимъ...
— Нѣтъ, ужъ ты мнѣ подай-ка другаго, повеселѣе...

Достойно удивленія.

„Отъ одного микроба“, говоритъ учитель, „при благопріятныхъ условіяхъ, за одинъ годъ происходитъ потомство достаточное, чтобы наполнить океанъ“.
„Боже“, — воскликнула Бетти, — „отъ одного одинокаго микроба, а что если они поженятся?...“

Сладость мести.

Мальчуганъ, у котораго какъ разъ вырвали зубъ. „Пожалуйста, докторъ, можно мнѣ взять зубъ?“ Дантистъ. „На что онъ тебѣ нуженъ?“ Мальчуганъ. „Я хочу положить на него сахару, пусть теперь болитъ“.

Поняли другъ друга.

Первый: „Говорятъ фермеры живутъ очень долго“.
Второй: „Мнѣ кажется это вѣрно. Я какъ то провелъ нѣсколько дней на фермѣ и это были самые длинные дни въ моей жизни“.

Рекомендація.

„Я видѣлся съ докторомъ, о которомъ вы мнѣ говорили“.
„Сказали ли вы, что я васъ направилъ къ нему?“ „Сказалъ“.
„Что же онъ?“ „Докторъ попросилъ меня уплатить впередъ“.

Галантерейность.

Бойкая горничная спрашиваетъ мелочнаго лавочника:
— Никифоръ Иванычъ, что это вы словно бы повеселѣли?
— Приятная погода-съ, потому...
— Неужто, отъ погоды можетъ карахтеръ мѣняться?
— Сколько угодно! Какъ время къ веснѣ, примѣрно, ближе, такъ значить и благорасположенія въ натурѣ больше. Поди и вамъ попріятнѣе теперь живется, потому что въ эфту пору всякая тварь погодѣ радуется.

Возвращеніе Тарзана.

Романъ Э. Бюроуза. Переводъ Э. М.

Продолженіе.

„Джэнъ Портеръ! — воскликнула дѣвушка. — Неужели вы хотите сказать, что знаете Джэнъ Портеръ? Да вѣдь это мой лучший другъ. Мы выросли вмѣстѣ, — мы знакомы уже цѣлую вѣчность“.

„Неужели? — отвѣтилъ онъ, улыбаясь. — Въ этомъ трудно убѣдить тѣхъ, кто когда-либо видѣлъ васъ или ее“.

„Хорошо, я берусь доказать свои слова, — отвѣтила она, смѣясь. — Мы прожили вмѣстѣ два вѣка — ее и мой. Seriously, мы любили другъ друга, какъ сестры, и теперь, при мысли о томъ, что я ее скоро потеряю, мое сердце разрывается“.

„Что вы ее скоро потеряете?! — воскликнулъ Тарзанъ. — Что вы этимъ хотите сказать? Ахъ, да понимаю. Вы хотите сказать, что будете рѣдко ее видѣть теперь, когда она вышла замужъ и будетъ жить въ Англіи“.

„Да, — отвѣтила она, — и тяжелѣе всего то, что она выходитъ замужъ за нелюбимаго человѣка. О, это ужасно! Выходитъ замужъ изъ чувства долга. По-моему, это просто возмутительно, и я ей такъ и сказала. Мнѣ это такъ больно, что я отказалась отъ приглашенія на свадьбу, хотя должна была на ней присутствовать одна среди ихъ родственниковъ, но я не хотѣла быть свидѣтельницей этой ужасной пародіи. У Джэнъ есть свои странности. Она убѣдила себя въ томъ, что не можетъ поступить иначе, не нарушивъ долга чести, и ничто въ мірѣ не помѣшаетъ ей выйти замужъ за Грэйстока, кромѣ Грэйстока самого или смерти“.

„Мнѣ жаль ее“, — сказалъ Тарзанъ.

„А мнѣ жаль того, кого она любитъ, — сказала дѣвушка, — потому что и онъ ее любитъ. Я его никогда не видала, но думаю, по словамъ Джэнъ, что онъ долженъ быть удивительнымъ человѣкомъ. Онъ, оказывается, родился въ африканскихъ джунгляхъ; воспитали его злые, челоѣкообразные обезьяны. Онъ никогда не видалъ блага мужчины или

бѣлой женщины до того дня, когда профессоръ Портеръ и его товарищи были выброшены на берегъ прямо у порога его крошечной хижины. Онъ ихъ спасалъ отъ всякихъ ужасныхъ звѣрей, совершилъ самые необыкновенные подвиги и въ довершеніе всего онъ влюбился въ Джэнъ и она въ него, хотя она и стала сознавать это только послѣ того, какъ дала слово лорду Грэйстоку“.

„Поразительно, — пробормоталъ Тарзанъ, напрягая всѣ свои мысли, чтобы найти предлогъ перемѣнить разговоръ. Онъ очень любилъ слушать рассказы Хэзель Стронгъ про Джэнъ, но, когда разговоръ заходилъ о немъ, онъ ощущалъ неловкость. Вскорѣ подошла мать Хэзель, и разговоръ сдѣлался общимъ.“

Слѣдующіе дни прошли безъ всякихъ событій. Море было спокойно, небо ясно. Пароходъ увѣренно двигался къ югу, нигдѣ не останавливаясь. Тарзанъ проводилъ долгіе часы съ миссъ Стронгъ и ея матерью. Они коротали время за чтеніемъ, разговоромъ и дѣлали снимки аппаратомъ миссъ Стронгъ. Послѣ захода солнца они гуляли.

Однажды Тарзанъ засталъ миссъ Стронгъ бѣсѣдующей съ незнакомымъ господиномъ, котораго онъ раньше не видалъ на пароходѣ. Когда онъ подошелъ, незнакомецъ поклонился дѣвушкѣ и повернулся съ намѣреніемъ уйти.

„Постойте, господинъ Тюранъ, — сказала миссъ Стронгъ: — я хочу васъ познакомить съ мистеромъ Кольдуэломъ. Мы всѣ пассажиры одного парохода и должны знать другъ друга“.

Мужчины поздоровались. Взглянувъ Тюрану въ глаза, Тарзанъ поразился ихъ странно знакомому выраженію.

„Я увѣренъ, что имѣлъ уже удовольствіе встрѣчаться съ господиномъ Тюраномъ, — сказалъ Тарзанъ, — хотя не могу припомнить, при какихъ обстоятельствахъ“.

Тюрану, видимо, стало неловко.

„Не могу сказать, — отвѣтилъ онъ. — Это вполне возможно. У меня нѣсколь-

ко разъ бывало подобное чувство при встрѣчѣ съ незнакомыми людьми“.

„Господинъ Тюранъ посвящалъ меня въ тайны навигаціи“, — объяснила дѣвушка.

Терзанъ разсѣянно вслушивался въ разговоръ, — онъ старался вспомнить, гдѣ онъ видалъ Тюрана раньше. Вско-рѣ ихъ стали беспокоить лучи солнца, и Хэзель попросила Тюрана отодвинуть ея стулъ назадъ, въ тѣнь. Терзанъ случайно смотрѣлъ на него въ это время и замѣтилъ, что тотъ неловко поднялъ стулъ — его лѣвая рука плохо сгибала-сь въ кисти. Этого факта было до-статочно, — онъ вызвалъ по ассоціаціи цѣлый рядъ представлений.

Тюранъ давно уже искалъ удобнаго предлога, чтобы удалиться. Молчаніе, послѣдовавшее за перемѣной мѣста, да-ло ему возможность принести свои извиненія. Низко поклонившись миссъ Стронгъ и кивнувъ Тарзану, онъ по-вернулся, чтобы отойти.

„Одну минуту, — сказалъ Тарзанъ. — Съ разрѣшенія миссъ Стронгъ я пойду съ вами. Я сейчасъ вернусь, миссъ Стронгъ“.

Тюрану, повидимому, стало не по себѣ. Когда оба отошли настолько да-леко, что дѣвушка не могла ихъ больше видѣть, Тарзанъ остановился и тяжело опустилъ руку на его плечо.

— Что вы теперь замышляете, Ро-ковъ? — спросилъ онъ.

— Покидаю Францію, какъ обѣ-щаль, — грубо отвѣтилъ тотъ.

— Это я вижу, — сказалъ Тарзанъ, — но я знаю васъ слишкомъ хорошо, чтобы видѣть въ вашемъ присутствіи на этомъ пароходѣ простое совпаденіе. Да если бы я и склоненъ былъ этому вѣ-рить, то ужъ фактъ перемѣны вашей наружности доказалъ бы мнѣ обратное.

„Ну и что же? — проворчалъ Роковъ, пожавъ плечами. — Вы ничего не можете съ этимъ подѣлать. Этотъ пароходъ идетъ подъ англійскимъ флагомъ. Я имѣю такое же право ѣхать на немъ, какъ и вы, и, навѣрное, даже большее, если принять во вниманіе, что вы здѣсь подѣ чужимъ именемъ.“

„Объ этомъ мы не будемъ разсуждать, Роковъ. Я хотѣлъ вамъ сказать одно — держитесь подалше отъ миссъ Стронгъ: она порядочная женщина.“

Роковъ густо покраснѣлъ.

„Если вы не послушаетесь меня, то я васъ выброшу въ море, — продолжалъ Тарзанъ. — Не забудьте, что я только ишу для этого предлога“. Съ этими словами онъ отвернулся, оставивъ Ро-кова дрожащимъ отъ еле сдерживае-мой злобы.

Послѣ этого случая Роковъ нѣ-сколько дней не показывался. Однако, онъ не оставался празднымъ; въ своей каютѣ, наединѣ съ Павловичемъ, онъ злился и ругался, угрожая врагу самой жестокой местию.

„Сегодня же вышвырнулъ бы его за бортъ, — кричалъ онъ, — будь я только увѣренъ, что онъ не носитъ докумен-товъ при себѣ. Но я не хочу рисковать возможностью выкинуть ихъ въ море вмѣстѣ съ нимъ. Если бы ты, Алексѣй, не былъ такимъ дуракомъ и вдобавокъ трусомъ, ты бы давно нашелъ способъ проникнуть въ его каюту и обыскать ее.“

Павловичъ улыбнулся.

„Главою являетесь вы, — отвѣтилъ онъ, — отчего бы вамъ самому не изы-скать способа произвести обыскъ въ каютѣ мистера Кольдуэла?“

Но часа черезъ два сама судьба пришла имъ на помощь. Все время сто-рожившій Тарзана Павловичъ замѣтилъ, что онъ вышелъ изъ каюты, не заперевъ дверь. Уже черезъ пять минутъ Ро-ковъ караулилъ, чтобы подать сигналъ въ случаѣ возвращенія Тарзана, а Пав-ловичъ ловко и умѣло производилъ ос-мотръ его багажа.

Онъ уже потерялъ было всякую на-дежду найти то, что искалъ, какъ вдругъ замѣтилъ пиджакъ, только что снятый Тарзаномъ. Черезъ секунду онъ уже держалъ въ рукахъ казенный па-кетъ. Не успѣлъ онъ бросить на него бѣглый взглядъ, какъ его лицо рас-плылось въ довольную улыбку.

Уходя, онъ оставилъ каюту въ пол-номъ порядкѣ; самъ Тарзанъ никогда бы не могъ догадаться, что кто-нибудь трогалъ его вещи въ его отсутствіе: Павловичъ былъ мастеромъ своего дѣла.

„Намъ повезло, — объяснилъ, переда-вая пакетъ Рокову, Павловичъ. — Онъ, очевидно, всегда носилъ съ собой эти документы, а тутъ на счастье онъ забылъ ихъ переложить въ другой пиджакъ, когда переодѣвался нѣсколько

минуть тому назадъ. Ну, и задасть онъ намъ перцу, когда замѣтитъ ихъ исчезновение. Сразу догадается, что мы тутъ замѣшаны, разъ онъ знаетъ о вашемъ присутствіи на кораблѣ“.

„Завтра будетъ совершенно безразлично, кого онъ заподозритъ,—сказаль Роковъ со скверной усмѣшкой.“

Въ этотъ вечеръ, послѣ того, какъ миссъ Стронгъ удалась внизъ къ себѣ, Тарзанъ стоялъ, опершись на бортъ, и глядѣлъ на море. Каждый день, съ самаго начала путешествія, онъ стоялъ такъ, — иногда по цѣлому часу. И объ этой его привычкѣ знали тѣ лица, которыя наблюдали за нимъ со времени отплытія изъ Америки.

И сейчасъ, когда онъ стоялъ, чьи-то глаза не отрывались отъ него. Вскорѣ послѣдніе пассажиры покинули палубу. Ночь была ясная, но не лунная, и предметы на палубѣ различались лишь съ трудомъ.

Двѣ фигуры вышли изъ тѣни капитанской каюты и подкрались сзади къ Тарзану. Хлопанье волнъ о борта парохода, жужжаніе винта, стукъ машины, заглушали ихъ почти безшумное приближеніе. Когда они были совсѣмъ близко отъ него, одинъ изъ нихъ поднялъ руку и затѣмъ сталъ опускать ее, какъ бы отсчитывая секунды: разъ, два, три! И они оба одновременно прыгнули на свою жертву. Они схватили ее каждый за одну ногу и не успѣлъ Тарзанъ, хотя самъ былъ быстръ, какъ молнія,—опомниться, какъ его перекинули черезъ бортъ и выбросили въ Атлантическій океанъ.

Хэзелъ Строгъ въ это время глядѣла на море изъ окна своей каюты. Вдругъ передъ ея глазами промелькнуло какое-то какъ бы тѣло, упавшее съ верхней палубы. Оно такъ быстро погрузилось въ потемнѣвшую воду, что она не успѣла разглядѣть его, и не могла быть увѣрена, человѣкъ это или нѣтъ. Она прислушалась, не раздастся ли сверху какой-нибудь крикъ, ждала всегда страшнаго возгласа: „Человѣкъ въ морѣ“, но ничего не слышалось. На кораблѣ, какъ и на морѣ, царило полное молчаніе.

Дѣвушка рѣшила, что кто-нибудь выбросилъ въ море что-нибудь ненужное и вскорѣ улеглась на свою койку.

Глава XIII.

„Лэди Алисъ“ терпитъ крушеніе.

За завтракомъ на слѣдующее утро мѣсто Тарзана оказалось пустымъ. Миссъ Стронгъ была немного удивлена, такъ какъ м-ръ Кольдуэлъ всегда ждалъ появленія ея и ея матери, чтобы сѣсть за столъ вмѣстѣ съ ними.

День тянулся безконечно долго. Ей не хватало общества Кольдуэла; въ немъ было нѣчто, заставившее дѣвушку съ первого же дня отнестись къ нему дружелюбно; онъ умѣлъ такъ занимательно описывать видѣнныя имъ мѣста, людей и ихъ обычаи; у него была такая забавная манера дѣлать мѣткія сравненія между дикими звѣрьми и цивилизованными людьми, доказывавшая близкое знакомство съ первыми, и остроумный, хотя и нѣсколько ироническій взглядъ, на послѣднихъ.

Позднѣе, когда она сидѣла на палубѣ, Тюранъ остановился, чтобы обмѣняться съ ней нѣсколькими любезными словами, она обрадовалась этому, какъ развлеченію, нарушившему однообразное теченіе дня. Однако, продолжительное отсутствіе Кольдуэла начало ее не на шутку тревожить и она заговорила объ этомъ съ Тюраномъ.

„Вѣроятно онъ нездоровъ и остался въ своей каютѣ!“ сказалъ Тюранъ.

„Конечно, это волнѣ естественно, — отвѣтила дѣвушка, — но меня, по какой-то необъяснимой причинѣ, мучитъ глупое предчувствіе, что съ мистеромъ Кольдуэломъ случилось что-то нехорошее. Это какое-то странное чувство — я какъ будто знаю, что его нѣтъ на пароходѣ“.

Тюранъ весело разсмѣялся.

„Богъ съ вами, дорогая миссъ Стронгъ, — сказалъ онъ, — куда же онъ могъ въ такомъ случаѣ дѣться? Вотъ ужъ нѣсколько дней, какъ мы не видали берега“.

„Конечно, это глупо съ моей стороны, — согласилась она. — Но сейчасъ я перестану волноваться, такъ какъ пойду и отыщу мистера Кольдуэла,“ и она подождала проходившаго мимо лакея.

„Это можетъ оказаться потруднѣе, чѣмъ ты воображаешь, голубушка, — подумаль Тюранъ-Роковъ, но вслухъ онъ сказалъ только: — Конечно, конечно!“

„Отыщите, пожалуйста, мистера Кольдуэла, — сказала она лакею, — и скажите ему, что его продолжительное отсутствіе заставляеть его друзей безпокоиться“.

Черезъ минуту лакей вернулся съ донесеніемъ, что мистера Кольдуэла въ его каютѣ нѣтъ.

„Нигдѣ не могъ его найти, миссъ Стронгъ, и кромѣ того — онъ остановился, какъ бы колеблясь, продолжать ли ему, — я узналъ, что онъ не спалъ на своей койкѣ прошлую ночь. Я думаю, что обязанъ донести объ этомъ капитану“.

„Конечно, — воскликнула миссъ Стронгъ, — я сама пойду съ вами къ капитану. Это ужасно! Я увѣрена, что произошло несчастье! Какъ видите, мое предчувствіе меня не обмануло“.

Капитанъ немедленно приказалъ старшему офицеру тщательно осмотрѣть весь корабль отъ кормы до носа, не пропуская ни одного уголка или закоулка. Миссъ Стронгъ осталась у него въ каютѣ въ ожиданіи результата поисковъ.

Черезъ часъ старшій офицеръ вернулся, чтобы донести объ отрицательныхъ результатахъ поисковъ.

„Боюсь, мистеръ Brentli, что здѣсь произошелъ не просто несчастный случай, а нѣчто болѣе серьезное, — сказалъ капитанъ. — Я васъ попрошу еще лично осмотрѣть самымъ тщательнымъ образомъ всѣ вещи мистера Кольдуэла: быть можетъ, вы найдете какія-либо указанія на поводъ къ убійству или самоубійству; однимъ словомъ, разслѣдуйте это дѣло.“

Хэзелъ Стронгъ была совершенно подавлена. Два дня она не выходила изъ своей каюты, и когда, наконецъ, появилась на палубѣ, то была блѣдна и имѣла нехорошій видъ, съ черными кругами подъ глазами. Наяву и во снѣ, ей постоянно казалось, что она видитъ быстрое и безшумное паденіе темнаго тѣла въ море.

Тюранъ подошелъ къ ней, чтобы выразить ей свое участіе.

„Это ужасно, миссъ Стронгъ, — сказалъ онъ, — я все время объ этомъ думаю“.

„И я тоже, — устало отвѣтила дѣвушка. — Я чувствую, что онъ былъ бы спасенъ, если бы я подняла тревогу“.

„Вамъ не въ чемъ упрекать себя, дорогая миссъ Стронгъ, — сталъ ее уговаривать Тюранъ. — Вы нисколько не виноваты. Всякій другой на вашемъ мѣстѣ поступилъ бы такъ же, какъ вы. Развѣ можно думать, когда что-нибудь падаетъ съ корабля за бортъ, что это непременно долженъ быть человѣкъ? А если бы вы даже и подняли тревогу, то результатъ былъ бы одинаковъ. Вашему разсказу не сразу бы повѣрили, такъ какъ отнесли бы его на счетъ галлюцинаціи нервной женщины; если бы вы стали настаивать, то, пока остановили бы пароходъ, спустили шлюпки и отправились за нимъ назадъ за нѣскольکو миль къ тому мѣсту, гдѣ произошла катастрофа, прошло бы много времени, и помощь пришла бы слишкомъ поздно. Нѣтъ, вы не должны упрекать себя. Вы больше всѣхъ насъ сдѣлали для бѣднаго мистера Кольдуэла: вѣдь вы одна замѣтили его отсутствіе, и первая начали поиски“.

Дѣвушка не могла не почувствовать къ нему благодарности за его участливую и ободряющую слова. До самаго конца путешествія онъ часто бывалъ съ ней, даже почти не отходилъ отъ нея, и она стала къ нему привязываться. Тюранъ узналъ, что прекрасная миссъ Стронгъ изъ Балтиморы была „богатой американкой“ и что у нея были личныя средства.

Сначала Тюранъ намѣревался покинуть пароходъ на первой остановкѣ, которая будетъ сдѣлала послѣ исчезновенія Тарзана. Развѣ въ его карманѣ не лежалъ тотъ самый документъ, изъ-за котораго онъ и сѣлъ на этотъ пароходъ? Его больше ничто не задерживало. Ему не терпѣлось вернуться въ Европу и сѣсть въ первый экспрессъ, отправляющійся въ Петербургъ.

Но затѣмъ у него появилась другая идея, которая быстро отгѣснила прежніе проекты на задній планъ. Американскимъ золотомъ не слѣдовало пренебрегать, да и обладательница его была тоже крайне привлекательна.

При одной мысли о будущихъ возможностяхъ у него захватывало духъ, а такъ какъ онъ думалъ объ этомъ постоянно, то оставалось только удивляться, какъ онъ вообще еще могъ дышать.

Продолженіе слѣдуетъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на литературную политическую и экономическую газету

„ВРЕМЯ“

выходящую раз в недѣлю въ Берлинѣ

на 1925 год

VII год изданія

Внѣпартійная газета „Время“ пользуется широким распространением среди русской читающей публики как в Западной Европѣ, так и в окраинных государствах. Газета „Время“ ставит себѣ цѣлью ознакомление публики с литературными произведениями современных русских писателей. Въмѣстѣ с тѣм в газетѣ помѣщаются обзоры политической и экономической жизни, а также широкая информация о жизни русских колоній въ Зап. Европѣ. Отдѣл критики. Библиографія. Искусство и сцена. Письма из центров русской эмиграции.

В теченіе 1924 г., в газетѣ „Время“ были помѣщены произведения слѣдующих авторов: А. Аксанова, З. Ю. Арбатова, А. В. Амфитеатрова, Г. Антоновича, Баяна, Н. Г. Бережанскаго, Г. Блока, Арк. Бухова, Ан. Вершховскаго, Н. М. Волковскаго, Сергѣя Горнаго, Ю. Горской, Грифа, И. С. Гурвич-Глуховскаго, В. М. Деспотули, Ив. Коноплина, С. Д. Лабковскаго, С. И. Левина, Томаса Ли Г. Либавскаго, А. И. Ляковскаго, С. Марія, А. Матанкина, И. Мотылева, В. Я. Назимова, Влад. Неллина, Жака Нуара, Робура, Гр. Ругова, С. Сегалья, Ал. Серебрянаго, Игоря-Съверянина, Л. Н. Урванцова, А. А. Яблоновскаго, Энди и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

В Германіи — 1 м. в м.; в Соед. Штатах и всѣх странах Америки, на Дальнем Востоку, в Японіи и Китаѣ — 20 ам. цент. в м.; въ Англии, ея владѣніях, Египтѣ, Палестинѣ, Южной Африкѣ — 1 шиллинг в м.; во Франціи, Турціи, Греціи, Румыніи — 3½ франка в м.; в Швеціи и Норвегіи — 1,75 кроны в м.; в Италіи — 4 лиры в м.; в Чехословакии — 6 крон в м.; в Швейцаріи — 1 франк в м.; в Югославіи — 12 динар в м.; в Болгаріи — 15 лев в м.; во всѣх других странах 20 ам. цент. в м. Цѣна объявленій — 20 пф. за миллиметр.

Прием подписки и объявленій в конторѣ издательства Berlin W. 8, Taubenstr. 4—6
Телефон Merkur 4340 и 4341

Подписка принимается также во всѣх почтовых учреждениях.

Издательство журнала

ЭМИГРАНТЪ

объявляетъ, что, въ связи съ предстоящимъ переходомъ издательства въ другія руки, составъ редакціи и постоянныхъ сотрудниковъ значительно пополненъ.

Кромѣ того, приняты мѣры къ расширенію нѣкоторыхъ отдѣловъ, а также къ регулярному и своевременному выпуску журнала.

Слѣдующій очередной № 12 выйдетъ 4-го апрѣля уже въ увеличенномъ размѣрѣ.